

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НА ПЕРЕЛОМЕ

По мнению такого компетентного знатока вопросов международной политики, каким является Ллойд-Джордж, активность французского империализма, развившуюся со второй половины 1922 года, в деле закрепления за собой левого берега Рейна и подготовки оккупации Рурской области «следует обсуждать в связи с другим событием 1922 года: русско-германским соглашением»¹.

Это нужно понимать не в том смысле, что советско-германский договор в Раппало и франко-германская война в Руре имеют между собой непосредственно-генетическую связь, а в том, что эти факты являются элементами высокого значения в общей системе послевоенных отношений. Возможно, что самостоятельный акт германской политики, вызвавший столь сильные опасения Франции, сыграл свою роль в усилении нажима на Германию, однако, сама по себе эта роль не являлась обуславливающей для всего последующего хода французской политики и ее нарастающей экспансии. Планы применения военных санкций и дальнейшего захвата германской территории в ответ на советско-германское соглашение в Раппало—возникли во Франции еще во время Генуэзской конференции,—однако, появление этих планов следует рассматривать не в прямой и непосредственной связи с данным отрезком послевоенной истории, а на общем фоне широких построений французской империалистической политики, действующей на основе послеверсальских отношений и в определенных условиях международного характера. Еще во время мировой войны французское правительство в вопросе о своем закреплении на левом берегу Рейна заручилось поддержкой России: «Границы должны быть расположены, по крайней мере, до пределов бывшего лотарингского княжества и должны быть начертаны по усмотрению французского правительства, таким образом, чтобы удовлетворить стратегическим потребностям и включить во французскую

¹ Ллойд-Джордж. Мир ли это? Перевод с английского Н. Соловьева, 1924, с. 21—22.

территорию весь лотарингский железный район и весь угольный район долины Саара»¹.

Но поддержки Российской империи на мирной конференции Франция не получила, и вместо этого встретила в рейнском вопросе сильное англо-американское противодействие. Условия Версальского договора относительно всего комплекса вопросов, перекрещивающихся на Рейне, — являлись компромиссом между борющимися силами в стане самой Антанты, а это означало, что военно-стратегические планы французского милитаризма и империалистические планы французской тяжелой индустрии потерпели некоторое поражение и должны были отступить под натиском англо-американской дипломатии. Но планы установления «естественной» границы и воссоединения угля и железа не были оставлены, а так как осуществление не удалось средствами дипломатии, то пришлось искать новых путей и действовать другими средствами.

«Если бы национальные границы определялись военными интересами,—писал в свое время Маркс в связи с вопросом о присоединении Эльзас-Лотарингии к Германии,—то претензиям не было бы конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых областей; а сверх того, эти границы никогда не могли бы быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктовал бы условия побежденному, и тут, следовательно, был бы уже зародыш новой войны»². Сложность ситуации Версальского мира, по сравнению с условиями, образовавшимися в результате Франкфуртского мира, заключается не только в том, что политическая линия Франции имела в виду расчленить, раздробить и до конца обессилить Германию, но и в том, что милитаристическая Франция в данном вопросе оказалась дипломатически отброшенной англо-французским напором. Призрак центробежных сил и развития католического сепаратизма, против которого в свое время был направлен бисмарковский куль-

¹ П. 2 ноты русского министра иностранных дел Покровского на имя французского посла в Петрограде Палеолога от 1/14 февраля 1917 г. Соглашаясь на присоединение Эльзас-Лотарингии к Франции, нота, кроме того, гласит: «Остальные территории, расположенные на левом берегу Рейна, составляющие ныне часть Германской Империи, должны быть окончательно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от нее. Территории на левом берегу Рейна вне французской территории должны образовать автономное и нейтральное государство и должны быть заняты французскими войсками до того момента, пока неприятельские государства не выполнят целиком всех условий и гарантий, указанных в мирном договоре» (разрядка везде наша).

² Второй адрес Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих по поводу франко-прусской войны.

туркампф, теперь обратился в реальный политический феномен реакционного движения, поддерживаемого Францией, и направленного против германского единства и германской революции. Победа сепаратизма в Баварии и на Рейне привела бы, с одной стороны, к полному распаду германского единства и появлению широкой буферной полосы между Францией и остатками Германии, а, с другой стороны, к установлению мощной европейской системы французского влияния, в которую вошли бы Бельгия, Люксембург, вся рейнская полоса, Бавария, Австрия, Польша, Чехо-Словакия, Румыния, Юго-Славия, возможно Италия, а это означало бы восстановление системы Наполеона на неизмеримо более широкой базе империалистической политики. Именно в эту сторону были направлены тенденции французского милитаризма,—тенденции, которые снова стали оформляться в определенную политическую линию, благодаря напору тяжелой индустрии, потянувшей за собой широкие слои мелкой буржуазии, и благодаря тому, что для этого создалась благоприятная международно-политическая обстановка. На Парижской мирной конференции Францию, лишенную возможности реализовать всю программу, пытались компенсировать англо-американской гарантией, однако, как известно, из этого ничего не вышло, т. к. Соединенные Штаты, а за ними и Англия не ратифицировали соответствующий договор. Английский проект гарантийного договора, предложенный Францией в Каннах (11 января 1922) и сводившийся, в основном, к тому, что «в случае прямого и невызванного нападения Германии на территорию Франции, Великобритания немедленно выступит на стороне Франции, со своими морскими, военными и воздушными силами»,¹—интересен в том отношении, что он явился следующим этапом развернувшейся англо-французской борьбы. Каннский проект имел в виду одностороннюю английскую гарантию сроком на 10 лет, а приложенная к проекту нота, в качестве условий прекращения гарантийного договора, выставляла требование прекращения морского соперничества обеих стран и согласования их морских программ, согласия Франции предоставить свое содействие английской политике восстановления экономической и финансовой жизни Европы, установления соглашения в делах Восточной политики, и, наконец, согласия подписать на Генуэзской конференции общий пакт о ненападении на своих соседей. Все это, вместе взя-

¹ Документация по истории вопроса о безопасности Франции представлена французской Желтой книгой — Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (мы пользовались немецким переводом Die Französische Dokumente zur Sicherheitsfrage 1919—1923) и английской Синей книгой — Papers respecting for an anglo-french pact. 1924.

тое, означало, что английская политика делает попытку охватить соответствующими нормами послевоенную политическую активность Франции, пытается вовлечь французскую политику в орбиту своего влияния. Но как предварительные условия заключения гарантийного договора, так и самое содержание предлагаемого проекта были для империалистической Франции неприемлемы. Ограниченные лишь одним десятилетним сроком, гарантии казались явно недостаточными. Французская политика в это время имела еще под собой достаточно твердую почву, чтобы не дать Англии возможности утвердиться в роли верховного арбитра франко-германских отношений, а именно на эту роль претендовала английская политика статьей (ст. 1) Каннского проекта, предоставлявшей ей право решать вопрос о том, является ли нападение Германии «прямым и невызванным». Это последнее сильно ограничивало, с французской точки зрения, значение представляемой гарантии в двух отношениях: оно сдерживало французскую экспансию, неизбежно тем самым переводя ее на рельсы оборонительной политики, а, с другой стороны, оно имело в виду непосредственно лишь Францию и не касалось установленной системы французского влияния в Европе. Каннский проект не распространялся на союзников Франции, а следовательно, не гарантировал со стороны Германии, например, западные границы Польши, и уже одно это было неприемлемо для политики французской гегемонии в Европе.

«Представим себе, что по заключении пакта Франция оккупировала Рур, а Германия напала на ее отряды: будет ли Англия иметь основания говорить о «вызванном нападении?»¹.

В этой аргументации Р. Пинона отразилась не только официально политическая точка зрения по вопросу об условиях английских гарантий, но и те тенденции французского империализма, которые выдвинули Пуанкаре и, преодолев сдерживающие элементы английской политики, наиболее законченным образом сказались в грандиозной попытке окончательно утвердиться на Рейне и захватить Рурскую область. Каннский проект не без основания рассматривался, как устанавливаемое препятствие на пути к Руру,—и потому он был вслед за компромиссной политикой Бриана отвергнут силами французского империализма, форсирующего события и вставшего в вопросе о германских репарациях на позицию непримиримости и крайних требований безусловного выполнения. Это были невыполнимые требования, ибо они ни в какой мере не соответствовали платежеспособности Германии. Созванная в мае 1922 г. международная конфе-

¹ René Pinon. L'avenir de l'Entente franco-anglaise. Paris. 1924 p. 136.

решения банкиров (так наз. Комитет Моргана) отказала Германии в международном займе и этим самым засвидетельствовала неплатежеспособность Германии.

«Было установлено,—гласит соответствующий документ, что восстановление внешнего кредита Германии невозможно до тех пор, пока денежные круги, предоставляющие заем, не будут иметь гарантии в том, что обязательства, наложенные на Германию и могущие быть взысканными с нее, не превышают ее платежеспособности, что воля Германии выполнить эти обязательства остается неизменной. Пока этого нет, капиталист принужден считаться с возможностью, что крушение немецких финансов, вследствие современной неустойчивости, может вызвать социальный переворот»¹.

Отказ английских и американских банкиров в займе стимулировал дальнейшее понижение германской марки, а это еще более понизило платежеспособность Германии. Французские домогательства явно рассчитаны были на то, чтобы достигнуть выгодного для себя соглашения с Германией, или же вооруженной рукой захватить Рурскую область,—но и в том и другом случае эта политика диктовалась планом воссоединения угля и железа. Французский империализм захватом Рурской области рассчитывал получить новый мощный базис железной, угольной и химической промышленности, пользуясь для этого удара поддержкой милитаристических элементов, предполагающих тут получить возможность реализовать свои планы раздробления Германии, и поддержкой широких кругов мелкой буржуазии, рассчитывающей на германские репарации, как на единственное средство восстановления обесценивающегося франка и получения причитающихся процентов по внутренним займам. «При теперешних условиях,—писал в своем секретном докладе председатель финансовой комиссии французской палаты депутатов Дариак летом 1922 года,—Рурская область, главным же образом, район Дюссельдорфа, Дюисбурга, Рурорта, которые нами заняты в качестве опорных пунктов, составляют главный элемент германского достояния, основанного целиком на железе и угле, на их переработке и производстве побочных продуктов. Большинство крупных германских консорциумов образовано там,—там же имеют свое местопребывание и капиталы: те 10 или 12 промышленников, которые ими руководят, прямо или косвенно управляют,—имеют абсолютное влияние на судьбы Германии (железная промышленность, уголь, угольные продукты, производство красочных веществ, искусственное

¹ Цит. по E. Varga. Die allgemeine Lage der Weltwirtschaft. Internationale Presse-Korrespondenz. 1922. № 144. S. 907.

удобрение, морские транспортные компании, ввоз и вывоз сырья и фабрикатов)... Тяжелая индустрия Рурской области, находящаяся целиком в руках нескольких человек, должна сыграть решающую роль в тех событиях, которые должны в будущем разыграться в Германии. И если на самом деле бумажная марка обеспечивается изо дня в день, то средства производства, принадлежащие Стиннесу, Тиссену, Круппу и их соратникам, сохраняют свою золотую ценность. Это есть именно то, что имеет действительное значение и ценность для нашей страны. Мы не можем требовать от Германии платежа в продолжении 35 лет колоссальнейших сумм, и в то же время опасаться, что ее промышленность разовьется до такой степени, которая позволила бы нести платежи по принятым на себя обязательствам. Но до тех пор, пока мы остаемся на правом берегу Рейна, и до тех пор, пока мы являемся хозяевами 45 миллионов тонн годовой добычи железной руды, мы будем в состоянии играть решающую роль в германской железной индустрии, если мы потребуем контроль над производством. Это несомненно является будущим решением вопроса: до тех пор, пока гарантийная комиссия ограничивается контролем германских финансов, ей приходится периодически, не имея возможности что-либо в этом изменить, констатировать лишь ряд валютных катастроф. Но в тот день, когда комиссия получит возможность перейти к контролю над германским промышленным производством, перед нами открывается возможность пользоваться всеми выгодами его процветания. С момента, когда мы обеспечим себе контроль, над частью немецкого капитала, мы сами будем заинтересованы в том, чтобы он стал наиболее доходным, т. е. платежи и поставки натурой являются основой всякой системы платежей, и можно уже предвидеть целый ряд хозяйственных соглашений, которые будут иметь гораздо более крупные последствия, чем соглашение в Висбадене...» В заключение автор доклада рекомендует «действовать разумно и осторожно, базируясь на невыполнении Германией ее обязательств».¹ Если содержание этого секретного доклада характеризует общее направление французской политики, то в этом последнем замечании отразились методы и общие условия ее работы. Дело в том, что с лета 1922 г. начало замечаться некоторое соглашение

¹ Ввиду отсутствия под руками *Geheimdokumente über die französische Ruhrpolitik*, herausgegeben von Bernhard Rausch. 1923, мы вынуждены, к сожалению, воспользоваться лишь цитатами, приведенным в статьях Юр «Экономическая Жизнь» от 19 января 1923 г. и «Международная Жизнь» 1924 г., № 1, в работе М. Павловича «Французский Империализм», М. — Л., 1926 г. стр. 172 — 176, и F. V. Hake. *Frankreich im Rheinland*. Berlin 1925.

по репарационному вопросу между Францией и Германией, а в сентябре между председателем союза организации по восстановлению разрушенных областей Франции, маркизом де-Люберзак и крупнейшим германским промышленником, Стиннесом, был подписан договор о поставках натурой, и вместе с тем был выдвинут план и начались переговоры при участии представителя французского правительства, об организации грандиозного франко-германского треста угля и стали. В условиях, когда французский капитал являлся фактически контролером металлургической и угольной промышленности Бельгии, Польши и Чехо-Словакии, франко-германское соглашение привело бы к созданию мощного комбината, который, охватив основные ресурсы континента, вытеснил бы английскую и американскую конкуренцию, и поднял бы экономическое и политическое влияние Франции на небывалую высоту. Перед лицом этой опасности английская политика в репарационном вопросе свелась к тому, чтобы, с одной стороны, сорвать намечающееся франко-германское сближение, и с другой стороны, лишить Францию ее преобладающего значения. Английские предложения предоставить Германии мораториум были самым решительным образом отклонены правительством Пуанкаре, для которого именно «невыполнение Германией ее обязательств» являлось нужным рычагом перманентного давления на Германию, и политики захвата Рурской области.

Уже взносы 15 июля и 15 августа Германия уплатить не смогла. Германское правительство (кабинет Вирта), инспирируемое Англией, вынуждено было 13 ноября обратиться к репарационной комиссии с просьбой о длительном мораториуме в целях восстановления своей платежеспособности. С другой стороны, в условиях намечающегося сближения с Францией. Германия выработала план урегулирования репарационного вопроса, рассчитывая на его приемлемость для французской политики. Однако, германская попытка сыграть на англо-французских противоречиях быстро была парализована английской политикой, мощным ударом отбросившей Германию к ее обычному положению политического объекта и вызвавшей крайнее напряжение франко-германских противоречий. Английский консервативный кабинет, сменивший правительство Ллойд-Джорджа, представил меморандум (так наз. «план Бонар-Лоу»), в котором связал проблему германских репараций с проблемой межсоюзнических долгов. В основном этот план сводился к тому, чтобы снизить до 2½ миллиардов ф. ст. общую сумму германских репарационных платежей, но вместе с тем, он требовал от Франции и Италии внесения Англии части военной задолженности, равной общей сумме английской задолженности у Соединенных Штатов. Если бы этот план был в бу-

дущем развернут в полной мере,—он означал бы, что Франция должна уплатить Англии и Америке значительно больше причитающейся ей доли общей суммы репарационных платежей. Французские притязания, среди которых еще на Лондонской конференции в августе значительное место занимали требования 60% акций наиболее важных предприятий Рейнской области, т.-е. превалирующего влияния французских интересов, были отвергнуты Англией. На эти требования — предоставить Франции 60% общего количества акций,—не соглашались и капитаны германской промышленности, и в результате план организации франко-германского угольно-железного треста повис в воздухе. Репарационная проблема зашла в тупик, изолированная Франция воспользовалась этим и дала событиям свое направление. Французское правительство ускоренным темпом провело через репарационную комиссию решение, против которого голосовал английский представитель, констатирующее злостное невыполнение Германией поставок натурой. Это решение являлось лишь формальным поводом для предпринимаемой операции захвата «производительных залогов», ибо, по существу, недоимка германских поставок выражалась в относительно мизерных цифрах. Не достигнув ни соглашения с Англией за счет Германии, ни соглашения с Германией, направленного против Англии, Франция, пользуясь поддержкой Бельгии, вступила на путь самостоятельной политики вооруженного захвата Рурской области. Формальное оправдание своих действий Франция пыталась основать на своем образе, весьма расширенном толковании пункта Версальского трактата, гласящего, что «меры, которые союзные и объединившиеся державы будут иметь право принять в случае намеренного уклонения Германии и которые Германия обязуется не рассматривать, как враждебные действия, могут состоять в актах экономических и финансовых запретов и репрессалий и вообще в таких других мерах, которые надлежащие правительства сочтут, как вынужденные обстоятельства».¹ Английское правительство, таким образом, имело основания, когда впоследствии квалифицировало французское мероприятие, как нарушение Версальского договора. Но об этом можно говорить и в другом смысле: вторжение военных сил в Рурскую область означало ревизию Версальского договора в интересах французского империализма, делающего тут грандиозную попытку установить свою гегемонию в Европе и поднять на небывалую дотоле высоту свое место в общей системе мировой политики: предпринятое выступление было направле-

¹ § 18 приложения II, часть VIII Версальского договора.

но не только против Германии, но, объективно, и против Англии, и даже против Америки¹.

В неравной франко-германской войне Англия формально заняла нейтрально-наблюдательную, а по существу — двойственную позицию. Разоруженная Германия, не имея возможности военными силами противостоять франко-бельгийскому наступлению, вынуждена была ограничиться нотой протеста (12 января 1923 г.), и при соответствующей дипломатической поддержке со стороны Англии, встать на путь политики, так наз., пассивного сопротивления. Обе стороны, таким образом, сразу были вовлечены в тяжелый конфликт, потребовавший большого и длительного напряжения. В ответ на германские мероприятия — запрещение каких-бы то ни было взносов Франции и Бельгии, отказ от поставок угля, объявление о приостановке действия Версальского договора, приказ о неподчинении германских чиновников оккупационным властям и т. п. — Франция захватила в свои руки контроль над всеми линиями транспорта, приступила к реквизиции угля, пыталась организовать и возобновить приостановившуюся работу, а затем объявила о запрещении вывоза угля из Рурской области в Германию, установила таможенную стену между всей оккупированной территорией и остальной Германией, стала прибегать к крайним репрессиям и к террору. Все эти мероприятия являлись проведением заранее выработанного плана действий и рассчитаны были, с одной стороны, на то, чтобы обессилить Германию и сделать ее послушным орудием своей политики, а, с другой стороны, как это явствует из доклада Дариака, чтобы расчленив ее, и в частности, оторвать Рейнскую область. Франко-германская война в Руре усилила движение сепаратистских групп, пользовавшихся, хотя и несколько осторожней, чем в 1919 году, военной, политической и денежной поддержкой оккупантов. Различные группы сепаратистского движения теперь объединились и стали оказывать помощь французским властям, например, в деле восстановления движения на транспорте, работ в шахтах и т. п. Опубликованные документы проливают достаточный свет на закулисную сторону рейнского сепаратизма, вступившего в непосредственную связь с бельгийскими и французскими националистическими организациями. «Ваша идея Рейнского объединенного государства — писали сепаратистам из Бельгии «Комитет Национальной Политики» и «Бельгийско-Рейнский Комитет», — имеет полное сочувствие не только у нас, но и у «Французского Комитета левого берега Рейна».

¹ Действительно, Рурское сражение являлось несомненно выступлением Франции против Германии, но и выступлением Франции против Англии — это впоследствии (в июне 1924 г.) признавал открыто и Rene Pinon. См. *L'avenir de l'Entente franco-anglaise. Avant-Propos.*

Это Рейнское государственное объединение рассеет также опасения Англии, даст возможность развития отдельных областей соответственно их жизненным интересам и будет содействовать развитию специальных интересов, в зависимости от положения и места, одних областей в направлении к Франции, других—к Бельгии. Так же, как и вы, мы ни в коем случае не можем признать Рейнской Республики в рамках Германского государства или интернационализации Рейнской области»¹.

Вся эта программа и особенно ссылка на позицию Англии довольно отчетливо рисует положение вещей. Франко-бельгийская поддержка рейнского сепаратизма усилилась к концу 1923 года², но, в конце-концов, после того, как сломлено было не только сопротивление Германии, но и сопротивление Франции, эта поддержка, под влиянием Англии, была прекращена. Англия как бы секундировала франко-германскую борьбу, и позиция, занятая ею в этой борьбе, теснейшим образом переплетается с теми политическими линиями, по которым долгое время следовало германское правительство. Несмотря на то, что захват Рура французами являлся нарушением Версальского трактата, Англия на решительное выступление не пошла,—и это не только потому, что она себя не рассматривала, как хранительницу status quo Версальской системы. Положение с этой стороны напоминало ту ситуацию, которая создалась во время франко-прусской войны, когда Россия, аннулировав односторонним актом важнейшую статью Парижского трактата, отменила нейтрализацию Черного моря, и когда Англия ничего не могла поделать за отсутствием собственной армии: французская армия не могла быть использована, т. к. была разбита. И теперь английской политике пришлось мириться с отсутствием у нее той реальной силы, которая могла бы быть направлена на сей раз против Франции, обладающей могущественнейшим воздушным флотом. Политическая активность Англии на континенте была связана деятельностью на Ближнем Востоке, где, в связи с Лозаннской конференцией, она получала поддержку Франции,

¹ Adolph Becker. *Hinter den Kulissen des Separatismus in Rheinhesen*. Frankfurt a. M. 1925. S. S. 143—149. Anlage № 56. Cp. *Die Separatistischen Umröße in den besetzten gebieten. Notenwechsel zwischen der deutschen und die französischen Regierung*. Berlin 1924.

² Влияние и деятельность сепаратистов представлялась французским властям все же недостаточной и порой вызывало у последних недовольство: «Беспокойство наших сторонников увеличивается еще потому, что, как сообщено нам из авторитетного правительственного источника, г. д-р Дортену (одному из вождей сепаратистского движения. А. Е.) в течение многих лет вручены были суммы, исчисляющиеся не тысячами, а миллионами франков,—на которые рейнское движение могло бы быть проведено уже трижды». Adolf Becker. S. 99. Anlage № 30.

предполагавшей этим шагом отвлечь внимание Англии от сложных вопросов европейской политики. К тому же, Рурская война, последствия французской политики захвата «производительных залогов» и германская политика пассивного сопротивления—весьма благоприятно отразились в Англии на состоянии металлургической и угольной промышленности, хотя, конечно, эта повышенная конъюнктура имела лишь привходящий характер, и основная линия английской политики не могла руководствоваться временными эффектами и преходящими интересами. Все это определяло зигзагообразность английской политики во франко-германской схватке.

Германская политика пассивного сопротивления требовала колоссальных финансовых затрат. Это немедленно же отразилось на курсе марки, которая стала быстро и неуклонно падать. Попытки правительства задержать это падение (банковская интервенция Гавенштейна) имели лишь временный результат, и вскоре оказались безнадежными. Почти открытые выступления французского министра восстановления Лушера в Англии с программой нейтрализации и отделения Рейнской области от Пруссии,—вызывали сильное впечатление и опасения германской политики, которая под влиянием всех этих возрастающих политических и экономических затруднений стала искать путей к соглашению. Выступления в рейхстаге (11 апреля, т.-е. ровно через три месяца со дня французского вторжения в Рур) и следует рассматривать, как первичное зондирование возможности соглашения. Ответ раздался со стороны Англии,¹ которая в не обязывающей форме инспирировала Германию выступить со своими предложениями по репарационному вопросу. Это предложение и было тотчас же (2 мая) сделано германским правительством, разославшим державам Антанты, а также правительству Соединенных Штатов специальную ноту. Выступая с новыми предложениями по репарационному вопросу, германское правительство, однако, подчеркивало, что оно «сохраняет свою юридическую точку зрения и не отказывается от пассивного сопротивления, которое будет продолжаться до тех пор, пока не будут эвакуированы оккупированные области, кроме тех, на оккупацию которых дает право Версальский договор, и до тех пор, пока в рейнской провинции не будет восстановлен порядок вещей, соответствующий означенному договору»².

¹ Известное выступление Керзона 20 апреля 1923 г.

² История этого выступления Германии и подробности сделанных предложений даны Rudolf Cuno. *Der Kampf um die Ruhr*. Leipzig. 1923, S. S. 156—168. Документы изданы в виде французской «Желтой книги» и английской «Голубой книги». На русском языке см. статьи Е. Пашуканиса: «Рур и репарации (обзор дипломатической переписки за январь —

Положительная часть сделанного предложения состояла в том, чтобы ограничить сумму германских платежей наличностью и ценными бумагами в 30 миллиардов золотых марок (1.500 тысяч фунтов стерлингов),—суммой, которая должна быть реализована международным займом и выплачена в строго определенные сроки (20 миллиардов—1-го июля 1927 г., 5 миллиардов—1-го июля 1928 г. и 5 миллиардов—1-го июля 1929 г.).

«В случае,—значилось далее, в сделанных предложениях,—если другие не разделяют мнения Германии в этом отношении, ее правительство предлагает представить всю проблему репараций на заключение международной комиссии, независимой от политических влияний, согласно плану, предложенному государственным секретарем Юзом». Вопрос о гарантиях, предоставляемых Германией в обеспечение требуемого займа, ставился лишь в самых общих чертах. Нет ничего удивительного в том, что Франция и Бельгия ответили¹ на эти германские предложения весьма резким и категорическим отказом, вместе с которым со всей решительностью было заявлено, что «переговоры немыслимы до прекращения пассивного сопротивления» и «что вновь оккупированные территории будут эвакуироваться лишь по мере и в пропорции поступающих репарационных платежей».

Все это означало, что Франция не отказывается от политики захвата производительных залогов, а Германия—от политики пассивного сопротивления, т.е. что репарационный вопрос оставался попрежнему гордиевым узлом европейской политики. В таких условиях ответ Англии на германские предложения² делается весьма характерным для всей ее политической линии, проводимой в это время в вопросе франко-германской борьбы. Ответ этот,—в общем несколько неопределенный,—констатируя, что выступление Германии последовало по совету английского правительства, указал на неприемлемость германских предложений как в отношении суммы, так и в отношении других условий³. Английская позиция вызвала некоторое недовольство с обеих сторон, но по существу, она свидетельствовала о том, что Франция продолжает оставаться несвязанной в своей политике относительно Германии, между тем, как последняя как бы приглашается сделать новые предложе-

сентябрь 1923)» и «Германские репарации и междусоюзнические долги» в №№ 1 и 2 «Международной Летописи» за 1924 год.

¹ Нотой от 6 мая 1923 г.

² Нота Керзона от 13 мая 1923 г.

³ Отказом от рассмотрения предложений германского правительства ответили также Италия (нотой Муссолини от 13 мая) и Япония (нотой от 15 мая).

ния. Эти предложения вскоре, последовали¹ и сводились в общих чертах к тому, что в недалеком будущем легло в основу плана Дауэса. Германия соглашалась передать вопрос о своей платежеспособности и о способах выполнения репарационных обязательств специальной международной комиссии, а в обеспечение платежей соглашаясь установить ипотеку на железные дороги, выделяемые в особую хозяйственную единицу, на торговые, банковские и промышленные предприятия, а также на некоторые категории государственных доходов. Вокруг этого выступления германского правительства и развернулась англо-французская дипломатическая борьба. Поскольку истинные цели французского империализма заключались не в том, чтобы получить репарации, а в том, чтобы захватить Рур, остаться на Рейне, дать мощный удар по единству Германии и утвердить, опираясь на созданную систему военных сателлитов, свою гегемонию в Европе, французская политика загоняла вопрос в порочный круг: эвакуация Рура ставилась в прямую и непосредственную зависимость от поступлений репарационных платежей. Французская политика требовала безоговорочной капитуляции Германии, прекращения политики пассивного сопротивления, как условия возобновления переговоров, и отказываясь во всяком случае от рассмотрения вопроса об уменьшении германских платежей первых двух серий обязательств, причитающихся по Лондонскому плану мая 1921 года (серия А—12 миллиардов марок, В—38 миллиардов, серия С—80 миллиардов марок), соглашалась аннулировать обязательства последней серии, в случае аннулирования французских военных долгов. С этого момента английская политика внешним образом стала более решительной, но по существу, ее двойственная политическая линия оставалась в силе. Английские предложения были таковы, что они не могли быть приняты Францией: Англия предлагала оказать давление в Берлине в смысле прекращения пассивного сопротивления, однако, с тем непременным условием, чтобы предварительно был поставлен вопрос о германской платежеспособности, как основе разрешения репарационной проблемы. Англия настаивала на том, чтобы «фиксировать окончательную сумму платежей, которые союзники намерены получить с Германии, считаясь с ее платежеспособностью, и способы обеспечения аккуратного платежа германского долга путем контрольной комиссии, свободной от тех вредных, с точки зрения экономики, последствий, которые связаны с военной оккупацией Рура». Это было недвусмысленное, но безрезультатное требование эвакуации Рура и попытка утвердиться в положении

¹ В ноте 7 июня (план Куно)

арбитра франко-германских отношений. Англо-французская дипломатическая переписка все более явственно обозначала непримиримость позиций обоих союзников, и эта непримиримость возростала прямо пропорционально грандиозным экономическим и политическим затруднениям, охватившим Германию. Английское вмешательство во франко-германскую борьбу, отразившейся в обширной дипломатической переписке, имело своей целью увеличить французские затруднения, однако, без того, чтобы реальным образом оказать непосредственную поддержку Германии, и таким образом, подготовить почву для своего вмешательства.

Между тем, захват Рура французами, политика пассивного сопротивления, выразившаяся, главным образом, в поддержке рейнских промышленников, все более обостряла экономическую и финансовую разруху страны, и быстро приоджидала Германию на край катастрофы. Рурская борьба обходилась Германии, по некоторым вычислениям, в 40 миллионов золотых марок в день. Государственный бюджет пришел в полное расстройство: расходы во второй декаде октября выражались в астрономической цифре 214.440.000 миллиардов, почта и железная дорога дали дефицит 109.700.000 миллиардов, а государственный приход покрывал лишь 0,75% общего расхода¹. Лишение 84% каменного угля и 27% бурого угля, вызванное захватом Рурской области французами, вынуждало Германию делать усиленные закупки угля за границей, а это еще более подтачивало ее финансовые силы. К середине октября германская марка стала своей одной биллионной частью. Это означало полное разложение финансовой и экономической жизни, полное крушение германской политики, которая, к тому же, была дезорганизована германской тяжелой промышленностью, выступившей вскоре на путь самостоятельных и сепаратных соглашений с французскими капиталистическими группами, одновременно или предварительно используя преимущества, предоставляемые политической пассивного сопротивления (получение кредитной помощи, игра на понижении германской марки и на попытках ее стабилизации и т. п.). Экономический распад Германии, финансовый хаос, разоривший широкие слои мелкой буржуазии, крайне обострили социальные противоречия, усилили рост революционного движения (события в Гамбурге и в Средней Германии),—и это сыграло не малую роль в том, что правящие классы Германии стали добиваться соглашения с Францией, хотя бы ценой своего по-

¹ Henri Lichtenberger. Deutschland und Frankreich in ihren gegenwärtigen Beziehungen. In deutscher Bearbeitung von Dr. Rudolf Berger. Leipzig 1924. S. 193 f.

ражения. И тогда, когда англо-французская дипломатическая борьба дошла до своего апогея, через месяц после того, как Англия официально квалифицировала франко-бельгийскую политику захвата Рура, как нарушение Версальского договора, германское правительство об'явило о своей готовности идти на капитуляцию. 26 сентября пассивное сопротивление было прекращено, а вскоре после этого германское правительство сообщило о готовности выполнить свои репарационные обязательства и просило Репарационную комиссию на основании ст. 234 Версальского договора, заняться изучением платежеспособности Германии¹. Но капитуляция германской политики не изменила ни направления, ни методов политики французского империализма. Таможенная граница между оккупированными областями и остальной Германией уничтожена не была, и как раз с этого времени начинается усиленная поддержка рейнского сепаратизма: 21 октября 1923 года в Ахене, провозглашена была Рейнская республика. Старые планы французского империализма, которые были столь широко развиты на Парижской конференции при выработке Версальского договора и которые тогда должны были отступить благодаря противодействию, проявленному Англией и Соединенными Штатами, стояли теперь накануне своего осуществления. Подчиняя себе Германию, французский империализм приближался к созданию грандиозного могущественного угольно-стального треста, и тем самым втягивал в сферу своего влияния всю систему европейских отношений, а осуществление этого означало бы, с одной стороны, усиление Франции в борьбе с англо-американским империализмом, а, с другой стороны, — могущественный напор на Советскую Россию. «Бесспорно, — писал в свое время Ллойд-Джордж, — что если этот ценический план будет приведен в исполнение, то тем самым будет положен конец репарациям, так как независимость германской промышленности будет задушена, и жизнь ее скоро замрет. Но имеются признаки, что французы оставили мысль о получении репараций. Они заняты теперь планами грабежа, и при том в громадных размерах. Французская печать строит в данное время планы, идущие гораздо дальше, чем простой контроль над германской промышленностью. В этот план должны войти Италия, Польша и даже Россия. Высокая линия, проводимая в течение многих лет парижской печатью на тему «никаких сношений с убийцами» теперь оставлена. Вместо этого мы слышим сен-

¹ Нота германской комиссии по военным обязательствам, адресованная Репарационной Комиссии в Париже 23 октября 1923 г. Германские репарации и доклад комиссии экспертов. (Собрание документов). С вводными статьями Ф. А. Ротштейна и Е. Варги и с приложением статьи Дж. Кейнса. Коммунистическая Академия, 1925 г. Стр. 63 — 64.

тиментальное заигрывание с Россией. Газеты говорят о восстановлении старых дружеских отношений между Францией и Россией, конечно, в определенных целях: Россия должна покупать, Германия производить, а Франция — получать прибыли».¹ Последняя формулировка так верно схватывает намечавшееся положение вещей, что сделанная Ллойд-Джорджем общая оценка отношений Франции к Советской России может быть оставлена в стороне. Действительно, подчинение Германии и ее народно-хозяйственного организма французскому империализму, и новая, связанная с этим, расстановка элементов в системе европейской политики, — все это представляло бы собой огромную опасность не только для роста, но и для самого существования Советской России. Полное осуществление планов французского империализма, экономическое поработение Германии, создание гигантского угольно-стального треста, захватывающего в сферу своего влияния всю Западную Европу, означало бы утверждение французской гегемонии в Европе и мощный напор на Советскую Россию с целью ее превращения в колонию: именно на этих основаниях и была впоследствии частью германской и английской прессы, поставившей своей задачей дискредитировать политику Советского правительства, — сконструирована версия, которая сводится в основном к тому, что правительство Советской России снабжало некоторыми военными материалами германское правительство, использовавшее их, однако, совсем для иных целей — для борьбы с революционным движением германского пролетариата. В действительности же, Советское правительство тотчас после вторжения французских войск в Рурскую область открыто выразило свою моральную поддержку германскому народу и протест против действий и замыслов французского империализма. Этот протест Советской России, как оказывается, вошел в оборот германской политики, своеобразно пытавшейся его использовать. Начальник американского оккупационного отряда генерал Эллен сообщает, что вскоре после оккупации Рура представитель Германии явился к американским властям, чтобы обратить их внимание на протест советского правительства против оккупации. «Он подчеркивал, — пишет генерал Эллен, — следующее место протеста: «В этот трагический момент рабочие и крестьяне России снова поднимают свой голос, чтобы выразить резкий протест против безумной политики империалистической Франции и ее союзников». Прочитав этот отрывок, он заявил: «Если ни одно из сильных правительств Запада не придет нам на помощь, не ясно ли, что мы будем брошены в объятия

¹ Ллойд-Джорж. Мир ли это? Стр. 79 — 80.

Востока?» Ему дали понять, —сообщает далее американский генерал,—что устрашение Западных держав большевизмом не достигнет цели, т. к., если эта политическая болезнь распространится на Западе, Германия окажется ее первой жертвой. Он ответил на это, что «гибель Германии повлечет за собою и гибель Франции, что немцы уже доведены до такого умонастроения, при котором они готовы пострадать сами, дабы увлечь за собой и Францию»¹. Политический смысл этих германо-американских переговоров не вызывает сомнений. С германской стороны в данном случае были применены весьма примитивные методы давления на Америку с целью вызвать непосредственное вмешательство последней в европейские дела и тем самым парализовать активность французского империализма. Нет никаких гарантий в том, что подобные же переговоры не велись и с каким-либо из представителей английской политики, которая в этом смысле представляла собой более благодарную почву: любопытно, что как раз в это время Ллойд-Джордж стал публично развивать тот строй мыслей о советско-германском союзе и о перспективе социальной революции в Европе, который положен был в основу его известного меморандума, представленного Парижской конференции². Американский ответ на германские зондирования, которые вряд ли можно назвать утонченными, по существу, был весьма прост: это было циничное напоминание правящим классам Германии о существовании политики самосохранения.

В таком контексте германский ответ и угрозы «гибели Франции» звучал весьма риторически. Однако, самая апелляция к Соединенным Штатам весьма знаменательна, и является мелкой, но характерной деталью в свете общих тенденции развития германо-американских отношений после войны—и более обще—в свете новых переломных тенденций, складывающихся в политике Америки в отношениях к Европе.

Вильсонизм,—эта своеобразная идеологическая форма политической программы американского финансового капи-

¹ Henry T. Allen. The Rhienland occupation. 1927 p. 275.

² См. гл. II. Теперь Ллойд-Джордж писал: «В случае коммунистической революции в Германии, она может заразить всю Европу. Европейские жизненные силы настолько понижены общим послевоенным утомлением, что для Европы весьма трудно бороться с заразой... Россия при ее бесчисленных ресурсах в людях, в сыром материале, ожидает лишь возможности воспользоваться тем, что Германия может ей дать. Большевицким вожакам нужно лишь получить то, что Германия вполне в состоянии им предоставить в виде специалистов и технических средств для реорганизации и оборудования их страны; и они обратят Россию в самое могущественное государство в Европе и в Азии. Народы, положение которых на Востоке делалось невыносимым, часто двигались на Запад. Согласно тому же закону, народ, которого всячески подавляют на Западе, обращает свои взоры на Восток.» Мир ли это? Стр. 69—70.

тала, пытающегося утвердить свое преобладающее влияние в послевоенной Европе, — потерпел крушение под встречными ударами европейских и американских сил. Говорить о мощном противодействии объединенной Европы — американской политике, проводимой в свое время Вильсоном, конечно, не приходится, ибо отвлеченное противопоставление Европы и Америки не получает никакого принципиального оправдания в конкретном анализе международно-политических отношений, если их рассматривать в исторической перспективе. В эпоху подготовки Версальского договора лишь одна Германия ориентировалась на американскую программу: это казалось лучшим выбором при наличии программы французского империализма. Но Германия, как политическая сила, в расчет не принималась, а назревшие противоречия в стане самой Антанты расшатали американскую программу. Американская политика оставалась или изолированной перед англо-французским объединением, или в вопросах, вскрывавших англо-французское соперничество, должна была примкнуть на основе некоторого компромисса к той или иной стороне. В таких условиях компромисс часто означал утверждение внешней конструкции вильсоновской программы при полном или частичном исчезновении политического содержания или подмены его объективного значения. Этому способствовало то, что вильсонистская программа американского финансового капитала стала терять опору среди влиятельных групп промышленного капитала, потянувших за собой широкие круги американского общества. Внешним образом это выразилось в возрождении республиканской партией старой интерпретации доктрины Монро и в переходе к политике самоизоляции. Стержень вильсонистской программы, — вопрос о Лиге Наций, объективно выражающий стремления американского финансового капитала к установлению своего контроля в Европе, — практически был переключен в плоскость англо-французских интересов и в то же время был выброшен новыми американскими силами, повернувшими политику в русло традиционной ориентации на внутренний рынок, на Центральную и Южную Америку и, наконец, на Восточную Азию. В результате, как известно, Соединенные Штаты Версальский договор не ратифицировали, а вместо него, 25 августа 1921 г., в Берлине был подписан мирный договор с Германией, по которому Соединенные Штаты получали все права и преимущества, вытекающие из Версальского договора¹. Америка, путем сепаратного юридического акта, получала, таким образом, возможность использовать в своих интересах условия Версальского договора без того, чтобы

¹ Текст см. «Международная Летопись» 1924 г. № 4.

выполнять какие-либо обязанности и быть связанной статут Лиги Наций. Ее активное вмешательство в европейские дела стало проходить по другим, организационно, быть может, мало заметным, но фактически весьма мощным потокам финансового капитала, который стал пробивать себе дорогу, как только в самой Америке и вне ее созрели необходимые для этого предпосылки.

Обычно относительный отход американской политики от самоизоляции, поворот к вмешательству в европейские дела рассматривается в непосредственной, обуславливающей его связи с послевоенным аграрным кризисом, особенно обострившимся в 1923 г., и промышленной депрессией 1924 года. Но имеется интересная попытка доказать, «что американская политика, несмотря на отдельные колебания, приняла направление в сторону преодоления изоляционизма под влиянием не кризиса, но высокой кон'юнктуры, основанной на внутреннем рынке»¹. Одно бесспорно: финансовый капитал получил возможность активного выступления в Европе благодаря протекавшей в Америке перегруппировке сил, — и это выразилось в новой, приобретающей все более определенные формы, ориентации стоящей у власти республиканской партии, внешняя политика которой стала проводить параллельные интересы об'единенных на этой основе групп американского капитала. Формально республиканская партия старалась представить новую ориентацию своей внешней политики в виде дальнейшего развития своей старой традиции, но фактически, медленный и осторожный поворот в сторону Европы свидетельствовал об отказе от этой традиции, — и в этом отношении замечательно то, что потерявшая инициативу и переживающая тяжелый кризис демократическая партия рассматривала успехи республиканского правительства, как результат усвоения в данных вопросах ее программы. Все это означало, что новое внешне-политическое направление Америки пользовалось поддержкой даже оппозиционных сил. Американский финансовый капитал, заинтересованный в получении своих европейских долгов (одни лишь военные долги выражаются в колоссальной цифре — около 12 миллиардов долларов) и в создании в Европе благоприятной почвы для дальнейшего экспорта своих излишков, не находящих применения в самой Америке, получил, таким образом, руководящее внешне-политическое значение благодаря поддержке промышленного капитала и фермерства. В частности, германский рынок, который хотя и играл после войны меньшую роль во внешней торговле Соединенных Штатов, чем в довоенное время, —

¹ Ю. Денике. Америка на историческом перепутьи. Сборник статей. Издательство «Плановое хозяйство». Москва, 1925 г.

все же, занимая следующее после Великобритании место, имел большое значение для американского экспорта. Германский экспорт, по выражению одного немецкого экономиста, есть функция импорта и оздоровление народнохозяйственного организма Германии должно было стимулировать увеличение американского вывоза. И, наоборот, анализ структуры германской внешней торговли показывает большое место экспорта в Соединенные Штаты, при чем американская таможенная политика (тариф Мак Форднея) не отразилась особенным образом на Германии, а заключенный германо-американский торговый договор (8 октября 1923 года), основанный на принципе взаимного наибольшего благоприятствования, положил широкую основу для экономического сближения обеих сторон¹. К тому же, крах германской марки и необходимость ее восстановления, как предпосылки реставрации германского капитализма и борьбы с нарастающей революцией — все это заставляло германскую политику обращаться в сторону американских банков, которые и без того играли весьма крупную роль, благодаря кредитованию заморской торговли Германии. Попытки германской политики вызвать вмешательство Соединенных Штатов шли, таким образом, навстречу и специальным, и общим тенденциям американской политики, которая была заинтересована не только в капиталистической стабилизации Германии, но, в связи с этим и кроме того, в соответствующем разрешении всего комплекса проблем европейской политики, — в установлении относительного равновесия сил. Неоднократно высказанная германской политикой готовность передать разрешение репарационного вопроса на усмотрение Америки делается понятной, ибо вопрос этот, являющийся основным во всем комплексе проблем экономической и политической жизни Европы, связывался с вопросом о межсоюзнических долгах и рассматривался американским капиталом, как рычаг давления на политику держав Европы. В этой связи интересно выступление американского секретаря по иностранным делам Юза (в Нью-Хавене), в официальной и достаточно определенной форме засвидетельствовавшего актуальное значение судьбы репарационного вопроса для американской политики. Выступление это было накануне захвата французами Рура и, таким образом, являлось как бы предостережением Франции, пытающейся установить в Европе свою гегемонию. Впослед-

¹ Ludwig Prager. Die Handelsbeziehungen des Deutschen Reiches mit den Vereinigten Staaten von Amerika bis zum Ausbruch des Weltkrieges im Jahre 1914 (Dazu ein Nachtrag über die Entwicklung der Verhältnisse im der Nachkriegszeit bis 1924). Weimar 1926 S. S. 153 — 161. — Зоннештралль. Международные договоры и важнейшие экономические соглашения 1923 г. «Международная Летопись» 1924 г. № 4.

ствии Соединенные Штаты не остановились и перед открытой демонстрацией: в день оккупации Рура последнему отряду американских войск, стоявшему на Рейне, был отдан приказ покинуть Европу. Положительная программа американского капитала, как она формулирована была устами Юза, сводилась к предложению передать репарационный вопрос на рассмотрение специальной комиссии экспертов, в которой могла бы принять участие и Америка. Это свидетельствовало о попытках Соединенных Штатов вырвать судьбы Германии из рук Репарационной комиссии, т.е. по существу, из рук Франции, и, тем самым, посредством соответствующего разрешения репарационного вопроса создать базу в Европе для операций американского финансового капитала. На почве общих интересов в европейской политике, направленной в первую очередь на то, чтобы отбросить Францию от возможности вести самостоятельную политику, рассчитанную на полное подчинение Германии, создалось сближение между Соединенными Штатами и Великобританией. Последняя обладает первоклассной системой банков, посредническая деятельность которых представляла большой интерес для американского капитала. Вопрос об установлении англо-американского сотрудничества в делах Европы и установления «экономической стабилизации» стал обсуждаться в финансовых кругах обеих стран совершенно открыто вскоре после того, как Рур был захвачен Францией¹. Политика Великобритании усвоила американскую программу необходимости обследования платежеспособности Германии и медленно, но упорно добивалась ее осуществления. Вся дипломатическая борьба, протекавшая между Англией и Францией, в основном сводилась к тому, что первая всячески пыталась вырывать разрешение репарационного вопроса из рук Репарационной комиссии, между тем, как последняя не хотела этого допустить. Пытаясь захватом Рура ревизовать Версальский трактат в своих интересах, французский империализм формально представлял себя хранителем неприкосновенности Версальского акта. «Либо эта комиссия экспертов и есть сама Репарационная комиссия с ее агентами,—тогда для чего вся эта дискуссия,—аргументировала французская политика, отстаивая свою позицию вершителя судеб Германии,—либо она становится на место Репарационной комиссии—и тогда противоречит договору... Требуется беспристрастные эксперты, иначе говоря, Репарационная комиссия в наличном ее составе рассматривается, как пристрастная. Забывают, что одна лишь Франция имеет право, в силу одних лишь согла-

¹ René Pinon. La Bataille de la Ruhr 1923. Paris. 1924. p. 142.

шений в Спа, на 52% германского долга»¹. Эти заявления были сделаны еще до крушения германской политики пассивного сопротивления, и в данных объективных условиях свидетельствовали о том, что французский империализм отказывается уступить занятые им позиции, выпустить из своих рук захваченную инициативу и руководящее значение в делах Европы. Британское напоминание о необходимости регулировать вопрос о долгах казалось в Париже весьма неуместным, а представленный план² — неприемлемым. «Каждый фунт стерлингов, или каждый доллар, который Франция должна Соединенным Штатам или Англии, — гласили французские возражения, — представляет сохраненную кровь союзников. Золотые марки Германии представляют пролитую кровь союзников»³. Такое компетентное знание вещей и циническая их оценка — свидетельствовали о непоколебимости французского империализма, стоящего накануне полного осуществления своих планов. Но бурная активность французской политики начала подтачиваться новыми объединенными силами, выступающими на арену европейской политики, и самоуверенная декларация французской дипломатии стала утихать под медленным действием англо-американского капитала.

Поражение германской политики, крушение финансовой системы в Германии, распад устойчивости социальных отношений, рост сепаратистского движения, поддерживаемого Францией и Бельгией, обострение классовых противоречий и рост революционного движения в рабочем классе, провавшийся в восстании гамбургского пролетариата, — все это ускорило англо-американское вмешательство в централь-

¹ Английская нота от 11 августа 1923 г. Опровержения французского правительства п. п. 23—24. Германские репарации и доклад комитета экспертов (Сборник Документов) стр. 37.

² „Британский план общего урегулирования долгов исходит из того существенного принципа, что Великобритания готова, с оговоркой о законных требованиях других частей Империи, ограничить свои требования платежей от союзников и от Германии, вместе взятых, суммой приблизительно в 14 миллиардов 200 миллионов золотых марок; эта сумма представляет современную сумму недавно консолидированного долга Великобритании—Правительству Соединенных Штатов. Предел уступок, которые Правительство Его Величества может решить сделать в вопросе о междусоюзных долгах, должен в значительной степени зависеть от той процентной доли этой суммы в 14.200 миллионов золотых марок, которую оно сможет покрыть за счет Германии. Эти уступки могут быть сделаны в конкретной форме лишь тогда, когда будет принято общее урегулирование репараций, на котором настаивает Правительство Его Величества, и если это урегулирование будет таково, что Правительство Его Величества может рассматривать свою долю в платежах Германии, как актив реального финансового значения».—Английская нота от 11 августа 1923 г. П. 46. Ib с. 45.

³ Опровержение французского правительства П. 46.

ный вопрос капиталистической Европы, — во франко-германские отношения. Выступление южно-африканского премьера Сметса, открыто потребовавшего пересмотра репарационного вопроса, предоставления Германии моратория и ликвидации захвата Рурской области, и выступление американского посла в Лондоне Гарвея, подтвердившего согласие Америки принять участие в международной экономической конференции, — знаменовали собой начало англо-американского нажима на Францию. В дальнейшем наступление англо-американских сил все более усиливалось, но французская политика решительным образом защищала прерогативы Репарационной комиссии, этого основного органа ее преобладающего влияния. Предъявленное Германией требование рассмотреть вопрос о ее платежеспособности усилило напор Великобритании до такой степени, что ее представитель в Репарационной комиссии при рассмотрении германской ноты позволил себе с'язвить по адресу французских проектов разрешения поставленного вопроса: «рецепт французского делегата мне представляется исходящим из того мира, где некий философ избрал пилули от землетрясения»¹. Рецепт этот был все же не нов: вынужденная согласиться передать изучение вопроса о платежеспособности Германии специальному комитету экспертов, Франция пыталась оставить за Репарационной комиссией безусловное право точного определения программы работ этого комитета и самостоятельного решения всего вопроса. Это являлось своеобразной формой борьбы за преобладающее влияние французской политики. Ввиду категорического отказа Франции передать репарационный вопрос на рассмотрение международной экономической конференции, правительство Соединенных Штатов отказалось от официального участия в ином способе разрешения репарационного вопроса. Но компромисс был достигнут: постановлением Репарационной комиссии были образованы два комитета экспертов, из коих одному было «поручено изыскать средства уравнивания бюджета и меры к стабилизации валюты», а другому поручено «изыскать средства к учету и обратному водворению в Германию утекших капиталов»². Правительство Соединенных Штатов дало согласие на неофициальное участие американских экспертов в работах образованных комитетов³. Во главе первого комитета экспертов стал генерал Дауэс, — фактический агент Моргана, во главе второго — известный английский финансист Мак-Кенна.

¹ Сообщение Репарационной Комиссии от 13 ноября 1923 г.

² Сообщение Репарационной Комиссии от 30 ноября 1923 г.

³ Переписка между г. Барту, французским делегатом в Репарационной Комиссии и г. Логан, американским официальным представителем.

Влияние англо-американского финансового капитала стало приобретать организационное оформление.

Из Рурской схватки ослабленной вышла не только Германия, но и Франция. Уже первые результаты захвата Рура были для Франции малоутешительны. Благодаря германской политике пассивного сопротивления добыча угля и перевозка его во Францию снизилась до минимума. Угольный кризис отразился, таким образом, не только на положении германской, но и французской промышленности. Франции, как и Германии, пришлось покупать уголь за границей, а это повышало цену продукции и отражалось на курсе франка. Предпринятая борьба за Рур требовала больших средств, сильного напряжения всей экономической и финансовой системы Франции, — и все это вызвало падение франка. Конец германского пассивного сопротивления ознаменовался возобновлением переговоров и заключением договоров между оккупационными инстанциями и отдельными группами германских промышленных организаций. Германское правительство впоследствии санкционировало начало этих сепаратных переговоров, отказавшись, однако, от финансирования поставок угля в счет репарационных взносов. Наряду с попытками вести переговоры непосредственно с отдельными промышленными группами, Франция не упускала и иных средств эксплуатации: сохранение таможенной границы между оккупированными областями и остальной Германией, повышение таможенной пошлины на товары, ввозимые из Германии, хищническая рубка государственных лесов и т. д., и т. д. Всей комбинацией методов охвата экономической и политической жизни Рейнской и Рурской областей французская политика как бы старалась не только утвердить свое влияние, но и застраховать его со всех сторон так, чтобы в последний момент поставить своих соперников на европейской арене перед осуществившимся фактом. Но эта политика таила в себе глубокое противоречие, которое было использовано и доведено до больших размеров англо-американским капиталом. Осуществление грандиозной программы захвата Рура должно было иметь своей жизненной основой блестящее состояние финансовых ресурсов государства. А между тем, этого не было, и французская политика замкнулась в порочном кругу: захват Рура повлек за собой напряжение и расстройство финансовой системы, восстановление которой усматривалось в эксплуатации Рурских богатств, но для создания предпосылок этой эксплуатации требовалось дальнейшее напряжение финансовых ресурсов. Та поспешность, с которой французская политика действовала в оккупированной области после прекращения германского пассивного сопротивления, делается понятной, ибо вопрос о долгах, — как это

назойливо напоминала Англия, — не был урегулирован, англо-американские банки, имея в своих руках большое количество французской валюты, могли в любой момент выбросить ее на рынок и тем самым понизить ее курс, — а это выбивало почву из под ног и лишало французскую политику необходимой устойчивости. Если в первые дни захвата Рурской области фунт стерлингов стоил 67 франков, то через год он уже стоил 87 франков, а в дальнейшем англо-американская биржа сделала все от нее зависящее, чтобы дать падению франка ускоренный ход: в середине февраля 1924 г. фунт стерлингов стоил уже 100 франков, а еще через месяц дошел до 125 франков. Дабы предотвратить надвигавшуюся катастрофу финансовой системы, сбалансировать бюджет, не допустить дальнейшего падения своей валюты, французское правительство вынуждено было искать помощь во вне и получить ее в виде займов, предоставленных американским и английским банками. Грандиозная попытка захвата Рура и утверждения своей гегемонии в Европе привела Францию в Нью-Йорк и Лондон. Цепь финансовой зависимости связала самостоятельность и активность политических выступлений французского империализма, который оказался вынужденным отступить перед объединенными интересами в Европе англо-американского капитала, завладевшего судьбой репарационной проблемы: отношение Франции к работам экспертов было этим самым предопределено.

Формально план Дауэса исключает из своего кругозора проблемы политического характера, рассматривая поставленную задачу, как проблему финансово-экономического порядка. Однако, общее политическое значение доклада базируется уже на том, что обозначено его основной предпосылкой: «восстановление налогового и обще-экономического единства германского государства».¹ Анализ и вся история осуществления плана Дауэса показывают, что этот план являлся методом наступления англо-американского влияния и создания предпосылок, гарантирующих эксплуатацию Германии в интересах двух стран, инвестирующих туда свои капиталы. Основой этого плана является азбучная истина, гласящая, что для получения долга необходимо предоставить должнику возможность хозяйствования, как предпосылки платежа. Если французский метод разрешения репарационного вопроса сводился к захвату областей, то англо-американский метод выделял определенные источники в самой системе германского народного хозяйства: нормаль-

¹ План решения репарационного вопроса. Доклады Комиссии экспертов под председательством Дауэса и Мак-Кенна. Со всеми официальными приложениями. Перевод А. И. Зака. Москва 1925 г. стр. 36.

ными источниками репарационных платежей план Дауэса устанавливал железные дороги, промышленные облигации и специальные статьи государственного бюджета. Для контроля и получения платежей из этих источников план Дауэса предусматривал создание кадра специальных комиссаров, облеченных широкими полномочиями, действия которых координируются специальным «генеральным агентом по платежам». Средством проведения плана Дауэса являлось восстановление германской финансовой системы, укрепление марки (создание эмиссионного банка), предоставление мораториума на год (а фактически на 2 или даже 3 года) и, наконец, предоставление специального займа. Самая сложная сторона репарационных платежей — проблема трансферта (перевод денег за границу по назначению, — без того, чтобы это отразилось на курсе марки) — была разрешена в том смысле, что в случае невозможности перевода поступившей репарационной массы, сумма, превышающая определенную норму (два миллиарда марок), вкладывается в германскую промышленность. Разрешение репарационного вопроса было поставлено в плане экспертов под углом зрения интересов американского капитала, который овладевал, таким образом, целыми отраслями германского народного хозяйства, ставил в узловых пунктах этого хозяйства своих контролеров, и получал возможность дальнейшего расширения своего влияния внутри Германии на основе поступающих репарационных сумм, а вне ее — на основе превращения этих сумм в залог межсоюзнических долгов. Наконец, самая реализация займа в 800 миллионов золотых марок и биржевое обращение репарационных облигаций на сумму в 16 миллиардов золотых марок, — все это рисовало англо-американскому капиталу благоприятные перспективы.

Для своего успешного осуществления план Дауэса требовал, кроме восстановления экономического единства Германии, полного невмешательства иностранных военных организаций, препятствующих свободе экономических сношений, и уничтожения всякого иного контроля или вмешательства, кроме предусмотренного самим планом. Иными словами, от Германии требовалось беспрекословное повиновение, а Франции представлялся ультиматум о ликвидации ее политики последних лет.

9-го апреля доклады обоих комитетов (план Дауэса) были представлены Репарационной комиссии. 24 апреля Британское, Итальянское и Бельгийское правительства сообщили о своем принципиальном согласии принять план экспертов, как основу для разрешения репарационной проблемы, а за ними поспешило сделать аналогичное сообщение и французское правительство. Германское правитель-

ство в поисках выхода из экономического и финансового хаоса, созданного в результате Рурской схватки, в борьбе за восстановление равновесия капиталистических отношений, обявило о своем положительном отношении к плану Дауэса еще ранее—16 апреля, в двухлетнюю годовщину Раппальского договора.

Если проследить основные линии германской внешней политики последнего десятилетия, то можно будет установить, что всякий поворот в сложившейся на Западе системе отношений, поскольку он вовлекает в сферу своего объективного влияния или непосредственного давления и Германию, имеет свое ответное отражение в выступлении того или иного характера и значения, предпринимаемом Германией на Востоке, в отношении к Советскому Союзу. Это не следует понимать в том смысле, что всякое давление, испытываемое Германией на Западе, со стороны Антанты или доминирующей в ней силы, — автоматически сказывается в давлении Германии на Советский Союз. Историю германской внешней политики, взятой под этим углом зрения, в ее основных контурах следует рассматривать, не как автоматический упор на Восток, не как прямую передачу туда давления, претерпеваемого с Запада, а скорее как такое балансирование и маневрирование между Востоком и Западом, пределы которого установлены общей, сложившейся в данный момент, ситуацией. Советско-германские отношения после Раппало развивались нормально и успешно. Раппальский договор, который был ответом политике Антанты и, главным образом, французской политике, всячески пытавшейся подорвать возможность советско-германского сближения, положил основу для этого сближения. Экономические связи между Германией и Советской республикой росли и крепились. Начался поток германских предложений о предоставлении концессий. В общем итоге предложений, поступивших за первые два года действия Раппальского договора—Германия стояла на первом месте. Весьма характерно, что именно германские капиталисты занялись в Советской республике сельско-хозяйственной деятельностью. Так, например, Круппу Советское правительство предоставило на концессионных основаниях 25.000 десятин земли, пригодной для зернового хозяйства,¹ а Немецко-Волжскому банку разрешено было из предоставленных ему в концессионном порядке земель сдать в суб-концессию 25.000 десятин Германо-Русскому аграрному обществу, в состав которого входили представители крупного прусского землевладения²; германский капитал, кроме того, получил концессию в области

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров от 16 января 1923 г.

² Постановление Совета Народных Комиссаров от 23 октября 1923 г.

железнодорожного дела, на разработку лесов и т. д. Нужно все же отметить, что оккупация Рура, конечно, отразилась на судьбе концессионных предложений Германии. Успешно развивались экспортно-импортные операции¹, и в двухлетнюю годовщину Раппальского договора ничто не предвещало внезапно наступивший кризис советско-германских отношений, разразившийся (3 мая) в связи с налетом берлинской полиции на советское торговое представительство. Закулисная сторона этого полицейского налета, имевшего явно провокационные формы, и поставившего советско-германские отношения перед опасностью разрыва, — является одним из самых темных эпизодов в истории послевоенной Германии. По всей вероятности, политическими руководителями этого антисоветского выступления являлись те монархическо-реакционные круги, которые все время противились установлению нормальных сношений с Советской республикой. Но своей двусмысленной позицией германское правительство ответственность за действия полиции фактически возложило на себя. На предъявленный советским правительством решительный протест германское правительство ответило уклончиво, оспаривая, главным образом, право экстерриториальности советского торгового представительства. Полномочный представитель Советского Союза выехал в Москву, торговое представительство заявило о своем отказе от участия в Кельнской ярмарке, о прекращении заключения сделок с германскими фирмами, и начало свертывать свой аппарат. В сложившейся тогда международно-политической обстановке разразившийся конфликт объективно означал создание рецидива 1918 года, когда дореволюционное германское правительство разрывом с Советской Россией предполагало облегчить условия неизбежной капитуляции перед Антантой. Теперь Германия только что высказала свое положительное отношение к плану Дауэса и вскоре начала готовиться к Лондонской конференции, где план этот должен был быть принят. Одновременно английское рабочее правительство Мак-Дональда вело переговоры с Советским правительством. 14 апреля в Лондоне открылась англо-советская конференция, и некоторые германские круги увидели в этом угрозу перспективе своего монопольного положения на советском рынке. План Дауэса рассчитан был на увеличение германского экспорта, а это означало необходимость взять курс на Восток, в частности на Советский Союз. Вопрос, таким образом, мог состоять в том, чтобы одним ударом сор-

¹ Вывоз из Сов. Респ. в Германию.	Ввоз в Сов. Респ. из Германии.
1922 г. на сумму Руб. 16.415.141	1922 г. на сумму Руб. 187.019.175
1923 г. » » 73.988.000	1923 » » » 178.488.000

вать англо-советское соглашение и сделать нажим на советскую систему монополии внешней торговли: любопытно, что как раз после опубликования плана Дауэса и почти одновременно с открытием в Лондоне англо-советской конференции — в германской прессе началась кампания против Советского Союза.

Приближалась Лондонская конференция, которая должна была принять англо-американский план разрешения репарационного вопроса, и, в данном случае, две силы, особо заинтересованные в этом вопросе, имели основания, хотя и прямо противоположные, противиться этому плану: Германия, пытаясь облегчить для себя его условия, и Франция, пытаясь вернуть себе прежнее положение. Срыв англо-советских переговоров в таких условиях объективно мог оказаться основанием для франко-германского сближения: не следует забывать, что свое непримиримое отношение к Советскому Союзу французское правительство незадолго до этого (12 марта) продемонстрировало ратификацией договора (от 29 октября 1920 г.) об аннексии Бессарабии Румынией. Возможно, что своим положительным отношением к плану Дауэса, а с другой стороны — политикой престижа в отношениях к Советскому Союзу и установлением прецедента в отказе торговому представительству в экстерриториальности, как первой попытке сорвать монополию внешней торговли, — Германия предполагала увеличить свои шансы на Лондонской конференции, играя на англо-французских противоречиях в вопросе об отношении к Советскому Союзу и в репарационном вопросе. Если это так, то французские выборы, которые принесли Пуанкаре небывалое поражение, и поставили у власти левый блок во главе с Эррио, — в одном смешали карты игры: французская политика начала намечать пути сближения с Советским Союзом. Во всяком случае советско-германский конфликт затянулся до Лондонской конференции и был ликвидирован лишь тогда, когда главнейшие этапы этой конференции остались позади и предварительные ее результаты выяснились в достаточной степени.

Уже в предварительных переговорах в связи с подготовкой Лондонской конференции вскрылись основные линии англо-французских противоречий. В опубликованном официальном сообщении руководителей французской и английской политики намечался созыв конференции для принятия плана Дауэса, но совершенно не упоминались другие, наиболее острые вопросы англо-французских отношений: в частности, вопрос о безопасности, а в связи с этим об эвакуации Рура. Но вскоре в своем меморандуме, адресованном союзникам, Англия наметила свою точку зрения относительно созываемой в Лондоне конференции, и

это звучало, как требование, предъявляемое Франции. Англия заявила о необходимости, во-первых, снять «экономические и фискальные санкции, ныне применяемые на германской территории и отражающиеся на экономической активности страны», в двухнедельный срок, считая со дня проведения законодательных и иных мероприятий, требуемых планом Дауэса,—во-вторых, отнять у Репарационной комиссии ее функции определять случаи нарушения Германией своих обязательств,—и в-третьих, пригласить представителей германского правительства для переговоров на конференцию. Эта программа вызвала возмущенные протесты французской политики, и английской дипломатии пришлось выработать формулу, обходящую сокровенное ядро вопроса молчанием или нарочитой туманностью. Борьба перенеслась на конференцию, где французской политике пришлось встретиться лицом к лицу не только с Англией, но и с Америкой. Правительство Соединенных Штатов было представлено на конференции неофициальным наблюдателем—американским послом в Лондоне Келлогом, а членами американской делегации состояли Оуэн Юнг, фактический автор плана Дауэса, и Леган. Кроме того, в Лондон явился государственный секретарь Соединенных Штатов—Юз, а также явились виднейшие представители американского финансового капитала: министр финансов Меллон, агент Морган—Ламонт и другие видные финансисты.

Борьба на конференции¹ сразу развернулась вокруг двух основных пунктов: по вопросу о нарушении Германией ее обязательств и, следовательно, об объеме функций Репарационной комиссии, и в неразрывной связи с этим, по вопросу о применении санкций отдельными заинтересованными государствами. Франция, конечно, всячески отстаивала прежние права Репарационной комиссии и право сепаратных выступлений против Германии, т.е. пыталась не упустить из своих рук руководящего влияния в отношениях между Антантой и Германией,—между тем, как англо-американская точка зрения, отражавшая интересы будущих держателей германских облигаций, сводилась к тому, чтобы вырвать руководящее значение в судьбах Германии из рук Франции и органов ее влияния, и передать право констатировать невыполнение Германией ее обязательств специальному учреждению с преобладающим американским влиянием. В результате был достигнут компромисс. Констатирование невыполнения Германией обязательств оставалось функцией Репарационной комиссии, но

¹ Документация издана сборником: «Лондонская конференция 16 июля—16 августа 1924 г.». С вступительной статьей К. Радека. Издательство Коммунистической Академии. Москва, 1925 г.

требовало полного единогласия, в противном случае, вопрос решался при участии специально приглашаемого американского гражданина,—а вопрос о применении санкций мог решаться только в результате предварительных переговоров с генеральным агентом по репарациям и представителем кредиторов Германии. Франция, следовательно, теряла часть своего влияния и ограничивалась контролирующими правами Америки. Но и этот компромисс не удовлетворял представителей англо-американского капитала, которые, внезапно появившись на аван-сцене Лондонской конференции, открыто вмешались в ход политических переговоров и сразу создали определенность положения. Монтегю Норман, один из председателей Английского банка, и Ламонт, участник банка Моргана, заявили, что установленные гарантии они считают для себя недостаточными. «По мнению американских финансистов,—гласило соответствующее сообщение об этом драматическом, решающем и самом показательном эпизоде Лондонской конференции,—установление невыполнения Германией своих обязательств, не должно быть предоставлено Репарационной комиссии, авторитет которой,—как утверждает г. Ламонт,—дискредитирован в Соединенных Штатах. С другой стороны, те же круги враждебно относятся к возможности изолированного выступления одной из союзных держав, так как подобного рода санкции повредили бы кредиту Германии, а следовательно, и положению заимодавцев»¹. Одновременно банковские круги деликатно поставили вопрос о необходимости военной эвакуации Рура. Перед выступлением такой мощной силы, какой является англо-американский капитал, французской политике пришлось бить отбой и искать путей к новому, хотя бы внешнему, компромиссу. В конце-концов была найдена формула арбитражного решения, которая в своем реальном содержании означала непосредственный американский контроль по вопросам о констатировании невыполнения Германией ее обязательств, и отмену права сепаратного применения санкций. Принцип арбитража, с преобладающим американским влиянием, был установлен и в отношениях между Германией и Репарационной комиссией, в случае, если между ними возникнут разногласия, и при разногласиях внутри самой Репарационной комиссии или внутри Трансфертного комитета. Англо-американским напором Франция была, таким образом, откинута от тех позиций, которые она, в условиях системы Версальского мира, сумела захватить в борьбе за установление своей гегемонии в Европе.

¹ Телеграмма агентства Гавас от 21 июля 1924 года. «Лондонская конференция», стр. 36.

После того, как «согласие союзников» было достигнуто, германское правительство получило приглашение прислать своих представителей в Лондон. И если действительно в Германии существовали планы сыграть на англо-французских противоречиях, пользуясь для этого напряженностью своих отношений с Советским Союзом, как попыткой сорвать англо-советское соглашение,—то нужно признать, что они не удалась. Вести самостоятельную политику в том смысле, чтобы использовать англо-французские противоречия,—даже вводя в эту игру козырь своих отношений с Советским Союзом,—Германия, накануне принятия плана Дауэса, еще не могла. На этот путь она получила возможность идти лишь впоследствии, в результате той общей расстановки сил, которая создалась на основе осуществления плана Дауэса. Как бы то ни было, отправляясь в Лондон, германское правительство сочло нужным предварительно урегулировать свои отношения с Советским Союзом. Советские требования были удовлетворены, и 29 июля в Берлине был подписан протокол о ликвидации конфликта: выразив сожаление по поводу произведенного полицией обыска, германское правительство подтвердило экстерриториальность советского торгового представительства. Советско-германские отношения постепенно вошли в нормальное русло и стали развиваться в направлении, предуказанном Раппальским договором.

Переговоры с германской делегацией на Лондонской конференции протекали без особенных осложнений. Впоследствии даже французская пресса выразила свое удовлетворение по поводу того, что Германия не преподнесла Лондонской конференции какого-нибудь сюрприза вроде Раппальского договора. Поскольку основные положения плана Дауэса и все условия, необходимые для его осуществления и проведения были установлены, германские представители ограничились тем, что внесли предложение сделать малозначительные коррективы,—и в некоторых вопросах (например, в ограничении срока поставок химических продуктов) добились успехов. Главная, и при том закулисная борьба между Францией и Германией разразилась, конечно, по вопросу об эвакуации Рурской области. Франция согласилась установить годичный срок эвакуации, однако, германские представители сочли это предложение неприемлемым. Англо-американское вмешательство (Мак-Дональда и Келлога) и тут решило исход разногласий. В виде компенсации за сделанные Францией уступки, у германских представителей было вырвано согласие, и в результате французская точка зрения восторжествовала. В специальном письме на имя германского канцлера представители Франции и Бельгии сообщили о своем согласии эвакуиро-

вать Рур в годичный срок (считая с 16 августа 1924 г.), и при том не лишили себя удовольствия подчеркнуть правомерность оккупации. Отрицая эту правомерность, германская делегация приняла сообщение к сведению. Одновременно Франция и Бельгия согласились немедленно эвакуировать зону от Дортмунда до Герде и территории, находящиеся вне Рурского района, оккупированные после 11 января 1923 года. Франция, таким образом, выторговала некоторое продление срока оккупации Рура, но в фактическом соотношении сил это не имело существенного значения. Точно обозначенные в заключительном протоколе Лондонской конференции¹ меры восстановления фискального и экономического единства Германии—означали крушение самостоятельной политики французского империализма в репарационном вопросе, т.-е. в вопросе о судьбах Германии, означали крах французских планов установить на развалинах германского единства свою европейскую гегемонию. Руководящей силой европейской политики выступил англо-американский капитал. Лондонская конференция и принятие плана Дауэса создали для этого благоприятные условия. Американская доля предоставляемого Германии займа была покрыта в течение 12 минут несколько раз. «Военная сила,—по выражению одного американского историка международных отношений послевоенной Европы,—должна была капитулировать перед силой денег»².

Эта капитуляция знаменовала собою завершение огромного перелома во всей системе послеверсальских отношений: вмешательством Америки в европейские дела Франция оказалась лишенной захваченных ею позиций, и потому Германия, освобожденная от петли, брошенной на нее французским империализмом, получила некоторую базу для восстановления своего разрушенного народно-хозяйственного организма и, тем самым, для увеличения своего влияния в системе международно-политических отношений, Англия получила возможность для дальнейшего расширения своего влияния в Европе, а впоследствии и для организации анти-советского блока. И подобно тому, как раньше руководящая сила в системе Антанты пыталась использовать слабость Германии,—теперь встал вопрос о том, чтобы использовать ее усиление. В дальнейшем этот перелом потребовал своего политического оформления, и на горизонте европейской политики замаячило Локарно.

¹ Приложение III протокола Лондонской конференции от 16 августа 1924 г.

² Frank H. Simonds. How Europe made peace without America. New-Jork. 1927, p. 288.